

Переступив порог комнаты, женщина замерла. Когда она смотрела с поста наблюдения из «предбанника», как называет это помещение персонал, через огромное стекло на длинную комнату реанимационной палаты, заставленную множеством разнообразной медицинской техники и рядом коек с лежащими на них пациентами, — была уверена, что там, за стеклом, царит особая скорбная тишина, в которой почти беззвучно двигаются медики в спецкостюмах и лишь изредка, совсем тихо, на грани слышимости, пискнет какой-нибудь монитор, передавая информацию о состоянии больного, подключенного к аппаратуре.

Здесь, по эту сторону, была жизнь, а там — там уже правила смерть. Так воспринимала и ощущала женщина разделение на «до» и «после», на «да» и робкое «возможно». И смерть представлялась ей царством тишины.

Но стоило ей оказаться по другую сторону стекла и шагнуть в палату, как на нее обрушилось целое звуковое море этого особого изолированного мирка: пищали на разные лады и щелкали всевозможные датчики, выводившие снимаемые с пациента показания на экраны мониторов; в больших стеклянных цилиндрах мерно вздымались и резко опускались черные мехи искусственного дыхания; что-то негромко монотонно гудело на одной ноте в углу комнаты и совсем не тихо разговаривали три медика

возле койки с одним из пациентов. И все эти звуки — громкие и чуть слышные, навязчивые и еле уловимые — сливались, перемешивались между собой, образуя один тревожный, напряженный шумовой фон, и, как ни странно, порождали гораздо больше надежды на победу, на лучший исход, чем там, за стеклом, отсекавшим палату от здорового мира.

Бог знает, как так получилось и что вызвало в ней подобную ассоциацию, но эта звуковая какофония, пусть совсем негромкая, а не предупреждающие фанфары Рока, внезапно словно отрезвила ее, вдруг очень ясно высветив в уме все, что она уже сделала и еще намеревалась сделать и ради чего, собственно, и проникла в реанимационную ковидную палату. И в этот момент весь четкий, продуманный план неожиданно увиделся женщине не серьезной, рассчитанной до мелочей операцией, а совершенно нереальной, глупой и опасной аферой.

Она глубоко вздохнула, тряхнула головой, отделяясь от неуместного сейчас страха и непонятно откуда прилетевшего приступа рефлексии. Отступать поздно, да и глупо — она уже здесь. И, резко выдохнув, женщина двинулась к нужной ей койке.

Как и все пациенты в этой палате, мужчина был подключен к аппарату искусственного дыхания, облеплен клеммами различных датчиков, с иглой от системы капельного дозирования, введенной в вену на сгибе левой руки. Но он находился в сознании. Женщина точно знала, чувствовала, что он в сознании, просто глаз не открывает, предпочитая пассивной безысходности большинства лежащих на соседних койках пациентов сражение с дикой слабостью, немощью и болью в темноте одиночества.

Выглядел он ужасно, словно смерть уже наложила на него лапу, объявив своей добычей, высосав все жизненные

соки, обескровив кожу, превратив ее в болезненно-пергаментную, синюшно-желтоватого цвета. Глаза глубоко ввалились в потемневшие, почти черные глазницы, скулы и нос заострились...

И этот болезненный образ умирающего, этот измученный, смертельный облик был настолько неправдоподобно и страшно далек от него настоящего, от его мощной телом, волей и духом личности, от матерого, нестигаемого человека, которым он являлся всегда, при любых, даже самых смертельных обстоятельствах, что она невольно, словно сбегая и не желая запоминать его таким, торопливо перевела взгляд с его лица.

Даже в состоянии тяжелейшего истощения и предсмертной немощи его грудная клетка и разворот плеч оставались все такими же мощными, богатырскими, но выпирающие ребра и ключицы, утратив былой мышечный каркас, были обтянуты все той же пергаментно-желтушной кожей. Женщина смотрела на эту иссушенную смертельной болезнью, покрытую редкими седыми волосами грудь большого, сильного, еще совсем недавно могучего человека и чувствовала, как, вопреки всем ее попыткам сдерживать эмоции, в груди тугим комком, перекрывая дыхание, скапливаются горячие, больные и злые слезы.

Она ненавидела его. Ненавидела многие годы. И... не боялась, нет — опасалась, всегда находясь настороже. Как любой нормальный человек опасался бы мнимого дружелюбия дикого зверя, с которым ему приходится контактировать. Даже вот такого — беспомощного, уходящего — опасалась...

Сколько раз, справляясь с приступами обиды и ненависти к этому человеку, принуждая себя искренне улыбаться, держать спину и не выказывать своих истинных чувств, она мысленно представляла себе картины его

смерти — пугающие, но яркие, сладко будоражащие, как лучшее выдержанное вино. Поминутно, шаг за шагом, она прокручивала, словно детективный фильм, как подмешивает в его еду снотворное и, дождавшись, когда он уснет, душит это животное подушкой, как подсыпает яд в его любимый сбитень, а потом с наслаждением наблюдает, как он корчится в муках, умирая у нее на глазах. Непременным и обязательным в этих приятных короткометражках ее кровожадного воображения был тот момент, когда он за минуту до смерти понимал, осознавал, что это именно она его убила.

Такие кровожадные картины мести посещали женщину много лет назад, в первые годы их знакомства, и давно уже отпустили ее, как и чувство жгучей обиды и ненависти. И все же добра этому человеку она не желала.

Но даже ему, человеку-проклятию всей ее жизни, она не пожелала бы такой боли и столь страшной, столь некрасиво-беспомощной, мучительной смерти от непреодолимого удушья, которая уже практически неотвратимо забирала его прямо сейчас.

Женщина снова тряхнула головой, освобождаясь от нахлынувшей минутной слабости, достала из кармана ватный тампон и склянку со спиртом. Неловкими от надетых на руки перчаток пальцами отвинтила крышечку, щедро смочила тампон. Придвинулась поближе к койке, наклонилась и, вытащив из-под простыни, развернула поудобней к себе кисть его правой руки и принялась старательно протирать большой палец ватным тампоном.

И вдруг замерла, безошибочно почувствовав, что он смотрит на нее.

Она всегда чувствовала его взгляд, физически чувствовала — всегда! Что-то делалось с ней, когда он вот так пристально буравил ее взглядом, что-то там думая про себя,

прокручивая в голове. Даже если она не могла в тот момент видеть его глаз, даже находясь от него на большом расстоянии, — она точно определяла, знала, что сейчас он смотрит на нее, и чувствовала, как тяжелые, свинцовые ледяные шарики несутся по столбу ее позвоночника от затылка до копчика, скатываясь внезапной тяжестью в пятки.

Она медленно подняла голову... и встретилась глазами с немигающим взглядом его серо-стальных, холодных глаз, смотревших на нее в упор поверх гофры трубок от аппарата искусственного дыхания и плотно прижатой к лицу маски, удерживавшей их.

Он не мог ее узнать. В этом чумном медицинском костюме, в затянутом по всем правилам капюшоне, прилегающем к коже и от того деформирующем лицо, в широкой маске и медицинских очках, искажающих облик любого человека, надевшего их.

И, чтобы отделаться от морока, опутавшего ее, заставившего замереть, словно муха в янтаре, женщина медленно вдохнула, мысленно дважды повторив очевидный факт своей достаточной маскировки...

...выдохнула и распрямилась.

Понятное дело, что говорить он не мог. И шевелиться не мог, наверное, он и думать-то мог с большим трудом, если вообще мог, но все смотрел и смотрел пристально на нее... И она поняла, что каким-то непостижимым, необъяснимым образом он все-таки ее узнал!

И что-то вдруг переменялось в женщине, как отпустило, словно сбылась та ее давняя, почти детская мечта, столько лет защищавшая от ярости и ненависти, когда она представляла себе, как за минуту до смерти он понимает, что это она его убила.

Неспешно, наполняя каждое движение глубоким символическим смыслом и значимостью, так, чтобы он ви-

дел, что именно она делает, женщина достала из другого кармана небольшую металлическую коробочку, открыла, взяла его за тот самый большой палец, что протирала спиртом, и старательно вдавила подушечкой в находившийся в коробочке специальный пластилин для снятия слепков.

Вдавливала, держала и смотрела торжествующе ему в глаза.

А мужчина, верно поняв и правильно истолковав все ее действия, вдруг подмигнул ей заговорщицки и улыбнулся — так светло, так...

Конечно, он не мог улыбаться губами, не мог изобразить эту странную, совершенно невозможную для него улыбку мимикой измученного, исхудавшего лица, но он улыбался глазами, будто признавался в любви, подбадривал и радовался ее решимости.

Словно обжегшись об этот его поразительный взгляд, женщина резко откинула мужскую руку на белую простыню, прикрывавшую его тело, захлопнула коробочку и убрала в карман.

— Сукин ты сын, Владимир Артемович, — не смогла удержаться от горького высказывания она. — Вот сукин ты сын!

А он все смотрел на нее, и что-то необъяснимое плескалось в этом его взгляде, уже потустороннее, нездешнее...

Женщина наклонилась к нему, придвинулась как можно ближе, насколько позволяли трубки и провода, к его уху губами, спрятанными за слоями маски, и прошептала:

— Сволочь ты, бессердечная, гадкая, злая сволочь, Владимир Артемович.

Замолчала, чуть отстранилась, всматриваясь в его лицо: слышит ли, понимает, что она говорит?

Он слышал, и понимал, и продолжал улыбаться — так небывало для него, невозможно открыто, светло и так по-человечески...

— Ненавидела тебя все эти годы, с той первой минуты, когда встретила, — сказала она, уже не отпуская этого его странного взгляда-улыбки.

Предательская слеза, внезапно вырвавшись из не дающего продохнуть комка в горле, пробившись сквозь все бастионы и преграды, что она старательно выстроила, покатила по ее щеке.

— Но кое за что я тебе благодарна, — призналась она. — Пожалуй, что и за многое. И поставлю тебе свечку. Сейчас за здоровье, ну а вдруг поможет... а потом, когда...

И пожелала, искренне, от сердца, отпустив на свободу и вторую слезу:

— Иди с миром, Владимир Артемович.

Взгляд его сделался вдруг строгим, и мужчина глазами указал на аппаратуру, а потом быстро перевел глаза, в которых на сей раз плескалась четкая просьба-указание, обратно на нее.

— Нет. — Проследив за этим его указующим взглядом, женщина покрутила головой, отказывая ему в последней просьбе, прекрасно поняв, о чем он просит. — Я не стану тебе помогать в таком деле. Это ты уж сам с Богом разбирайся, Владимир Артемович, за что и сколько он тебе страданий отмерит. Лишь одним могу помочь: зла на тебя держать не буду и постараюсь простить.

И, резко оборвав их странный разговор, распрямилась. — Прощай.

Она пожала безвольную кисть его руки, лежавшей поверх простыни, ярко-белого полотна, которое будто подчеркивало неотвратимость смерти, царившей здесь.

И ушла. Не обернувшись, не посмотрев больше на мужчину, провожавшего ее взглядом до тех пор, пока за ней не закрылась дверь реанимационной палаты.

Высоко подняв голову, выпрямив спину струной, она шла по коридору к санпропускнику и не видела ничего вокруг от заливавших и душивших ее слез, рванувших из всех глубин, из всех накопленных обид, из...

Долгие годы она ненавидела этого человека и желала ему смерти, желала страшных потерь и мучений. Ненавидела, опасалась... и уважала.

И восхищалась порой, и еще что-то... что-то еще...

Переезд!

Нет, не железнодорожный ни разу!

А самый что ни на есть банальный, житейски-бытовой, то бишь с одного места жительства на другое. Новое.

Из дома, в котором провел годы, десятилетия, в котором прошло твое детство-отрочество, которое, как гриб, всеми своими грибницами проросло воспоминаниями, эмоциями, чувственным опытом, горестями-радостями, достижениями-победами, поражениями-преодолениями и триумфами. Где все твое — понятное, привычное, родное, на обычных и правильных местах... И вдруг, в один момент, сломать все устои, правила и привычки этого дома — и уезжать! Да ладно бы уезжать — *не-ре-ез-жать!* Насовсем!

Ребята, это засада! Это такая жесь!

Кто проходил — тот знает, понимает! Зашибись себе «удовольствие».

Но возражать маме, если та возбудилась очередной своей грандиозной идеей, все за всех уже решив, и приступила к ее воплощению, — сродни тому, как застрять в поломанном хлипеньком «жигуленке», заглохнувшем

окончательно и бесповоротно аккуратно на том самом железнодорожном переезде, перед несущимся на него литерным поездом. Результат приблизительно одинаковый: сметет на фиг по ходу своего движения, не заметив-проигнорировав любые возражения и вполне себе обоснованные и весомые аргументы против очередной ее задумки. Да, пожалуй, что сметет любого человека, вставшего на ее пути. Ну, за ре-е-е-дким исключением.

Работу, занятость и личные дела выбранных для воплощения ее задумки участников Эмма Валентиновна не принимала в расчет, как и их возражения. Легко и непринужденно, с присущим ей умением напрочь игнорировать проблемы и дела других людей, требовала: извернись, изловчись, сделай все, что от тебя хотят, — и свободен, можешь спокойно работать себе дальше. Видишь, все очень просто: чем быстрее исполнишь то, чего требуют и ждут от тебя, тем быстрее вернешься к своим делам, как служебным, так и личным.

Женщина-гаран, что совершенно не сочеталось с ее внешней физической хрупкостью, женственностью и старательно наигранной нежностью.

Происходило это обычно так: Эмму Валентиновну озаряла Идея, как правило, Грандиозная (а другие ее не посещали — не мамин формат). Она сразу же придумывала и решала, как воплотить и кого привлечь для быстрого исполнения этой Идеищи, и-и-и-и... выпускала на свободу цунами реализации своего очередного «великого плана» — совершенно разрушительное по мощи. И «хоть таской, хоть лаской», уговорами, угрозами и увещанием, а порой и откровенным шантажом, — но добивалась, что те, кто не успел вовремя увернуться и спрятаться, ворча, ругаясь на все лады и постанывая, таки принимались воплощать эту, будь она неладна, Идею в жизнь.

Алиса, вроде бы давно научившаяся благополучно уклоняться от большинства маминых идей-заданий, а порой даже противостоять особенно крутым ее наездам и остужать чрезмерный энтузиазм родительницы, на сей раз дала-таки втянуть себя в очередную мамину аферу, поскольку большой мамин План затрагивал интересы самой Алисы. В давно уже привычной форме полного игнорирования и ущемления тех самых интересов дочери — Эмма Валентиновна надумала кардинально решить квартирный вопрос.

Другое дело — ради чего, как и какими средствами она намеревалась его решить, и с какими потерями для вовлеченной в воплощение этого Плана родни.

Эмму Валентиновну посетила гениальная, как водится, мысль, что ее обожаемому сыночку Никиточке срочно, прямо вот сейчас, немедленно и безотлагательно требуется свое отдельное жилье!

— Мальчик поступил в такой вуз! — объясняла она придуманную ею необходимость Великого переезда, собрав ближайшую родню за круглым (во всех смыслах: и по форме и по переговорному предназначению) столом. — Ему требуется постоянно учиться, плотно общаться с сокурсниками и взрослеть, мужать, становиться самостоятельным! Конечно, он не может жить далеко от вуза, не в спальнике же каком-нибудь, чтобы добираться неизвестно сколько до учебы, а ночью темной обратно. Это недопустимо! Мы будем искать квартиру рядом с училищем.

Мальчику было семнадцать лет, и поступил он не абы куда, а в Шукинское театральное училище. На минуточку, расположенное в историческом центре города Москвы. В самом что ни на есть историческом.

Историчнее некуда.

И как бы приобрести жилье рядом с этим училищем для простых, в принципе, незатейливых москвичей, ну пусть даже затейливых и не так чтобы совсем уж простых-простых, но с весьма скромными доходами...

Ну, все поняли. Максимум на что хватило бы средств семейства в большой складчине-обдираловке всех имеющихся «сусеков» и заначек «чернодневных» — так это на три доски от строительных лесов с реставрации особняка на Арбате. Зато на три очень большие и крепкие доски и в том самом центре города, аккурат возле училища имени великого артиста.

Но у Эммы Валентиновны был же таки План! А то!

По которому сдвигались с места жизни Тектонические Плиты — то есть выкорчевывались из своего дома бабушка с дедом, до этой минуты бывшие неприкосновенными во всех предыдущих затеях Эммы. Их квартира, в которой, между прочим, вместе с патриархами проживала еще и Алиса, по задумке мамы, удачно продавалась, а старики перевозили жить к дочери...

— Тем более что меня первое время и дома-то почти не будет, — выкладывала родне свои продуманные аргументы Эмма Валентиновна. — Надо же будет устроить на новом месте Никиту и первое время присмотреть за ним, наладить быт...

Понятно: «взрослеть, мужать и становиться самостоятельным» сыночку светит не скоро, уж точно не в ближайшие год-полтора. Впрочем, Никита уникальный мальчишка — вон сидит, уткнувшись в телефон, с кем-то скорострельно переписывается, и такое впечатление, что ему все по барабану, глубоко пофиг и вообще его ничего не парит. Но на самом деле мальчик все сечет, все слышит и «участвует» в разговоре, только весьма своеобразно — не вступая непосредственно в обсуждения и дебаты.

Он с младенчества усвоил, что спорить и дискутировать с мамой, пытаясь отстаивать свое мнение, — дело бесполезное и изначально гиблое: только нервы изводить и сильно усложнять себе жизнь. А поскольку деваться от нее и ее «Великой Любви к Сыну» Никитке было некуда, то пацан выработал отличный способ коммуникации с матерью: большой пофигизм и уникальное умение пропускать мимо ушей и эмоций большую часть ее выступлений и монологов. И, молча выслушав все, что та ему задвигала, кивал, соглашался безоговорочно, а чуть позже, когда первый накал ее деклараций спадал и мама почти забывала, что там втолковывала сыночку, он делал так, как считал верным, и все по-своему.

Вообще Никита личность очень уравновешенная, такой спокойный, немногословный ребенок, и вдруг неожиданно выяснилось, что у него настоящий актерский талант. Видимо, жизнь с мамой, безостановочно отыгрывавшей в жизни выбранную ею роль, научила пацана лицедействовать, только тихо, без громкого эксцентричного актерства и позерства, а так, внутри себя. А еще от удушающей материнской любви и заботы Никитос сбегал в книги, которые читал запоем, в основном современную фантастику, но и крутых писателей иногда жаловал. И постоянно пропадал на каких-то дополнительных занятиях и учебах.

Мама пребывала в благостной уверенности, что мальчик занимается точными науками дополнительно к школьной программе, как она и наказала ему, а мальчик, как оказалось, ходил в театральную студию. Нет, точными науками он тоже занимался, но без особого энтузиазма, только чтобы окончить школу с высоким рейтингом и баллами.

Вот как из него может получиться артист? Алиса недоумевала: такой интроверт, весь в себе, в своем внутреннем мире — и вдруг актерство. Ну ладно, там посмотрим.

Кстати, поступление Никиты в вуз — показательная и весьма красочная иллюстрация к его взаимоотношениям и коммуникации с мамой. Эмма Валентиновна еще лет пять назад решила, что сыночек непременно будет поступать в МГУ. Ну а куда еще может поступать такой талант в нашей стране? Есть сомневающиеся, что у ее сына талант? Дураков не нашлось.

Ну и мама предприняла некоторые шаги к триумфальному поступлению сына: налаживала связи, узнавала, на какие подготовительные курсы лучше ходить ребенку, и так далее. При этом ни разу, никогда не контролировала его учебу, не ходила на собрания в школу, не проверяла, как он реально учится и на какие такие курсы ходит. Она отдала распоряжения, где, чему и как надо учиться, и жила себе в полной, стопудовой уверенности, что сынок выполняет ее указания.

Никита, когда мама объявила, что выбрала для него вуз и профессию, лишь кивнул привычно: мол, ага, понял, как делал всегда на очередное мамино указание-воспитание. И, окончив школу, даже подал документы в университет, как и распорядилась матушка. Но тихой сапой, сам себе режиссер собственной жизни, подал документы и во все театральные вузы Москвы, прошел туры прослушивания, причем во всех вузах удачно прошел! Во парень! Алиса восхищалась и офигевала каждый раз, сталкиваясь с такими вот поступками и решениями младшего братца, мысленно, а частенько и реально аплодируя тому.

Так вот, из всех вузов Никита выбрал Щукинское училище. Поступил, принес домой и предъявил маме выписку из приказа о поступлении, мирно так сообщив:

— Если в актерском не получится, тогда уж пойду в МГУ.

Эмма Валентиновна, понятное дело, в шоке по колено! Глаза на сына вытаращила, хлопая ресницами, на какое-то время лишившись дара речи, что случилось с ней крайне редко. А сынок спокойно так из пальчиков ошарашенной маменьки документик вытащил и удалился в свою комнату, усевшись за комп рубиться в какую-то ходилку-стрелялку в онлайн.

Надо отдать должное Эмме Валентиновне: с потрясением она справилась очень быстро и уже вечером обзванивала всю родню и друзей, с гордостью сообщая потрясающую, разумеется, Грандиозную новость:

— Поступил! И не куда-нибудь, в Шукинское! Я же говорила, что мальчик талант необыкновенный и одарен сверх меры. Из него непременно выйдет великий актер, великий!

Тут же забылось напрочь и навсегда, что еще утром, по ее предыдущему плану и прикидкам, из мальчика должен был непременно получиться великий математик, физик, известный ученый с мировым именем. Вчерашний день, омытые камни, неактуально! А посемя и не интересно ни разу.

Теперь у Эммы Валентиновны поменялась жизненная концепция!

Требовалось срочно и немедленно придумать, как помочь ребенку учиться и делать блестящую карьеру. Для начала требуется наводить подробные справки и налаживать связи, чтобы мальчик попал в достойный театр. Господи боже — еще же и кинематограф! Надо, чтобы Никиточку непременно снимали в кино! Так, кто там у нас сейчас считается самым модным и достойным режиссером? Желательно с мировым именем.

То есть у мамы образовалось поле непаханое забот-хлопот для продвижения сына к «Золотой маске» и «Оскару», чего уж мелочиться!

И она погрузилась в недра интернета, изучая всю подноготную сторону актерской жизни: смотрела часами интервью известных, ведущих актеров, читала автобиографии тех, кто себя увековечил в воспоминаниях, специально ходила на собеседование в Щукинское училище, разговаривала со студентами старших курсов. И выяснила, что, оказывается, студенты-актеры практически живут в своих училищах, а когда все же приходят домой, то и там продолжают заниматься: ставить всякие этюды и сценки, отрабатывать движения и навыки, учить тексты и так далее. Но самое важное и главное в этом процессе — что они постоянно в работе, в учебе, в тесном общении друг с другом и наставником.

Так! Поняла Эмма Валентиновна: ребенку срочно требуется отдельное жилье. Это раз. И квартира ему нужна рядом с училищем. Это два.

Ну а три, и это не очень хорошее три, — она придумала, как сие осуществить!

Когда Эмма Валентиновна первый раз собрала для оглашения «приговора» всю родню и объявила о своей задумке, возмутился даже уравновешенный Никитос:

— Ма, тиранить прадедов — это совсем беспредел какой-то. Мне это отдельное жилье не сдалось, я не просил.

Он на самом деле не просил. Он вообще никогда ничего и ни у кого не просил, а у мамы особенно. Она все «его желания» благополучно придумывала и осуществляла сама. Никитка принимал, привычно не споря, а какое-то время спустя мог и продать через интернет то, что ему ни за каким фигом не сдалось, или вернуть в магазин. Деньги возвращал маме, объясняя просто, скупое и незатейливо:

— Не подошло.

Или еще как отговаривался. Она не расстраивалась и не возмущалась: ну не подошло ребенку, придумаем что-нибудь другое, более насыщенное.

Как-то так. Он, вообще, на самом деле необыкновенный пацан, уникальный, Алиса каждый раз поражалась его поступкам, его своеобразно устроенному мышлению. И тому, как при такой удушающей материнской любви он умудрился стать настоящим цельным человеком, глубокой интересной личностью. Может, они с бабушкой и дедом помогли как-то?

Ладно, о переезде.

Итак. Никитос возмутился — к идее с квартирой он не имел ровно никакого отношения, его и так все вполне себе устраивало, это была целиком и полностью инициатива Эммы Валентиновны. Как водится. Ну и тут уже выступила-таки и Алиса.

— Я так понимаю, их мнением ты не поинтересовалась, — не спросила, утвердила она.

— Ну вот, мы же сейчас обсуждаем все вместе этот вопрос, — раздражилась мама, указав на бабушку с дедом, сидевших плечом к плечу, словно сплотившись перед бедой грядущей.

— Мы не обсуждаем, ты просто ставишь нас перед фактом, — уточнила Алиса. — А ничего, что они пожилые люди и для них любые перемены, тем более переезд из дома, в котором прошла вся их жизнь, из родового, так сказать, гнезда, где жили еще бабушкины родители, это не просто стресс, это разрушительно для их физического и морального состояния.

— Ну они же не в другой город уезжают и не к чужим людям, — раздражилась пуще прежнего мама от необходимости объяснять дочери элементарные вещи и вообще что-то объяснять, когда она все продумала, решила и уже мысленно исполнила. — У нас большая квартира и не так далеко от их, как ты изволила выразиться, родового гнезда, даже ближе к их любимому рынку. К тому же первое

время я, скорее всего, поживу с Никитой. Им тут будет хорошо.

— А ничего, что я тоже живу в той квартире и там прописана? — любопытствовала как бы между делом Алиса.

— Ну-у-у... — Эмма Валентиновна посмотрела на дочь задумчиво, будто только сейчас увидела, что-то там прикинула у себя в голове и пожала плечами. — Поживешь с нами.

— С вами? Поживу? — повторила за ней Алиса, подчеркнув интонацией-нажимом вопрос, и посмотрела иронично на мать, наигранно восхитившись: — О как!

— А что такого? — агрессивно отреагировала на иронию дочери Эмма. — Тебя же постоянно нет, ты в своих экспедициях пропадаешь и преподаешь до поздней ночи! Можешь и с нами пожить. Ну или что-нибудь придумаешь, — чуть скривившись от недовольства, отмахнулась она, мгновенно переключаясь на более важные моменты.

Нет, Алиса давно не обижалась на мать. Ну, почти не обижалась.

Когда она стала жить с бабушкой и дедом, бабуля Римма Тихоновна настояла и лично отвела внучку к хорошему психологу, который помог девочке разобраться со своими обидами на маму, претензиями и несбывшимися ожиданиями. Хотя, как ни странно, особых обид у Алисы на мать не имелось, по крайней мере, таких, из которых вырастают большие, непоправимые комплексы и проблемы. Она довольно рано поняла, в чем ей очень помогли разобраться бабушка с дедом, да и папа, что Эмма — она вот такая, и ничего с этим невозможно поделать. И никто в этом не виноват — просто такой человек, и все. В общем, Алиса не обижалась на мать. Почти. Бывало, в подростковом возрасте, в особо тяжелых случаях разрушительного материнского эгоизма, ее все-таки цепляло,

порой даже всерьез цепляло. Не то чтобы она была нелюбимой или притесняемой дочерью для мамы, но-о-о... Как бы это сформулировать?

Мама... это мама.

Это отдельная и непростая тема, как и ее отношения с Алисой.

Если вкратце, то...

У Эммы имелась определенная жизненная концепция: она выбирала мужчину, некий объект для любви, благополучно его прибирала — и начинала вот Любить и Служить, позиционируя себя Женой Великого Человека. Все обязательно с больших букв, эдак... величественно, значимо, монументально. Так ей это виделось-представлялось. Любовь в тех отношениях оставалась под большим вопросом — или вообще без вопросов, ибо больше всего на свете Эмма любила себя в той придуманной и выбранной ею для жизни роли.

Видимо, все же Никитосу актерское дарование от маман досталось. Эмма постоянно, ежеминутно как бы наблюдала за собой со стороны — достаточно ли она жертвенна, достаточно ли хороша для жены Такого Человека, как она выглядит в этой Великой Любви и Жертве? А выглядеть требовалось великолепно, она ж не хухры какие-то там мухры — а служит Таланту. То есть такой бесконечный театр одной актрисы, где она внутри своей главной роли-ипостаси — Жены и Музы гения.

Такой вечный бенефис. Блистать — вот ее задача и актерское «зерно».

Наверное, всем жилось бы немного полегче, если бы маму хоть иногда можно было лишить «подмостков», не позволяя работать на публику, но проблема состояла в том, что публика как таковая ей особо-то и не требовалась — самой благодарной и восторженной публикой Эм-

мы была она сама. Поэтому и находилась постоянно, что называется, «в роли». А это не истребимо ничем.

Как-то так. И хоть «гениев» Эмма тщательно подбирала-выбирала, но долго те, как правило, в ее жизни не задерживались. Эммочка довольно быстро разочаровывалась, уставая ждать, когда же муж наконец станет известным ученым, деятелем государственного уровня и признанным мировым светилом. И принималась за поиски нового объекта для любви и служения.

Кстати, ни разу никто с крючка ее внимания не соскочил и никому из мужчин не удалось уйти нетронутым, если Эмма положила на него глаз. Уж больно хороша была Эммочка! Красавица, такая утонченная, изысканная, притягательная — мужчины влюблялись до одури на свою беду.

Во втором ее браке родилась Алиса. Первые годы жизни Алисы Эмма обожала дочь и, понятное дело, видела в ней гениальную, одаренную личность. Ну а как, кого же еще? Но когда и отец Алисы не сделал стремительной карьеры, которой от него ожидала жена, и не пробился в ряды академиков, Эмма вскорости развелась и с ним. И все ее буйные чувства к дочери как-то быстро сами собой поугасли, трансформировавшись в тихие, ровные и спокойные, без особой привязанности. Алиса все больше времени проводила то с маминими, то с папиными родителями, перекидываемая мамой из одного дома в другой.

А вскорости Эмма вновь вышла замуж и Алису практически перестала замечать, считая дочь с семилетнего возраста человеком самостоятельным. Собственно, так оно и было, ибо Алисе невольно приходилось самой заботиться о своих нуждах, делах и проблемах, поскольку маме в ее новой жизни оказалось не до дочери.

Ну а когда родился Никита, Эмма просто отправила Алису жить к своим родителям, чтобы та не диссонирова-

ла непонятным объектом в идиллической картинке ее нового, счастливого семейства, где муж будущий академик, она великолепная молодая жена академика, а их ребенок гениален и необыкновенен. Картинка с выставки.

Впрочем, Алисе было тогда уже четырнадцать лет, и она давно стремилась перебраться к бабушке с дедом, устав от закидонов мамы и ее отношения к дочери. Только Эмма дочь не отпускала, это испортило бы имидж идеальной семьи, в которой непременно должен быть ребенок, пусть и не родной ее мужу. А поскольку с рождением Никитки семья обрела, так сказать, полную упаковку, то — иди доченька, свободна.

Отца Никитки, «будущего академика», не оправдавше-го надежды, Эмма выперла из своей жизни и квартиры лет через пять, а вот сын стал для нее единственным человеком на земле, которого она по-настоящему, на этот раз без всякой игры и дураков, совершенно беззаветно, бесконечно любила, да что там любила — обожала!

А дочь? Какая дочь? Ах да, дочь, ну она сама со всем справится.

Алиса и справлялась. И, как ей казалось, вполне себе неплохо. Нет, ничего трагично-печального, она все-таки не сиротинка брошенная, не стоит забывать, что у нее имеется вполне себе вменяемый и любящий отец, а также бабушки с дедушками, которые ее всегда поддерживали и помогали при необходимости.

А тут здра-а-асте вам — поживешь с нами! Это как?

А это так, что всем, кто находился за столом в тот момент, стало совершенно очевидно, что о наличии дочери в своих грандиозных раскладах Эмма Витальевна как-то позабыла ненароком, лишь сейчас вспомнив о столь неожиданном препятствии на пути к воплощению своей Идеи. И тут же, с ходу, нашла самое простое и, с ее точки зрения, замеча-

тельное решение: ну а что, если Алису деть некуда, значит, та будет жить вместе с ней и стариками. Что вы ей голову морочите, это же все такая ерунда, при чем тут Алиса — главное, у Никиты будет отдельная квартира!

М-м-м-м, как бы так сказать помягче? Ясный пень, что Алисе с мамой жить вместе не рекомендовалось категорически. Они настолько не монтировались рядом, ну совершенно, то есть абсолютно, что это невозможно было представить даже теоретически. Алисе всегда казалось, что она как-то слишком далеко укатилась от этой «яблоньки». Насколько далеко, что непонятно, того ли она вообще сорта яблочко или какого-то другого.

Не «гольден» какой-то совсем.

Но, если честно, жить вместе с Эммой Валентиновной, мягко говоря, могли очень немногие. Наверное, ее родители, правда, весьма ограниченное время. Во-первых, потому что дедушка умел иногда приструнить дочь, когда та «края» переставала видеть и заносило ее за границы дозволенного. Умел суровенько одернуть, по-отцовски, и бабулю в обиду не давал. А во-вторых, они умели как-то отбояриваться от большинства прожектов Эммы, последнее время все чаще прибегая к запрещенным приемам под названием «стариковская немощь» и где-то там маячившая, напоминая о себе слабым соображением, легкая «возрастная деменция».

Старички были вполне крепкими и бодрыми, а уж по живости ума фору могли дать многим молодым да юным, не обгонишь. Но, странное дело, их актерские «отмазки» все чаще, что называется, «проканывали» у дочери, то бишь срабатывали без осечек, чем Валентин Семенович с супружницей своей Риммой Тихоновной беззастенчиво пользовались при любом случае. Да и приловчились они давно ко всем сложностям нрава и «взбрыкам» дочери, не пойми в кого пошедшей характером и дурью.

— Какой-то ген приبلудный затесался, попортил породу, да вот «выстрелил» так неудачно девочке в амбиции, — вздыхала и качала головой бабуля.

И по этой причине, понимая, что тут уж ничего не исправишь, раз оно такое вот уродилось, с «простреленными амбициями», они пропускали многое «мимо нервов», как опять-таки говаривала бабуля.

Понятное дело, что еще с Эммой Валентиновной с большим комфортом и удовольствием уживались мужчины, которым та поклонялась и «служила», но только тот период времени, пока выбранный и назначенный на эту роль объект оставался для нее Гением, Талантом и неопознанным пока Мессией. А поскольку время это заканчивалось достаточно быстро, после чего «великий талант» пикировал с пьедестала, свергаясь ниже его подножия, и резко становился пустым обманщиком и мерзавцем, удаляемым из личного пространства, то более жить с ней бывшие мужья не имели никакой возможности.

Лучше всех, да, пожалуй, единственный, кто умудрялся неплохо уживаться с Эммой Валентиновной, был Никитос, благодаря выработанной им жизненной стратегии и тактике общения с маман.

Алиса же относилась к той части родственников, которая предпочитала держаться от мамы на расстоянии. Большом. В идеале — недосыгаемом. И оттуда, откуда-то из дальних далей, тихо-спокойно ту все-таки любить.

Что и воплощала благополучно в жизнь долгие годы.

А тут — «поживешь с нами». Ха-ха и еще раз ха.

— Риммочка, Алиса, — поднимаясь из-за стола, обратился к жене и внучке Валентин Семенович, — поехали домой, девочки.

— Папа! — возмутилась Эмма. — Мы обсуждаем серьезный вопрос!

— С кем? — прищурившись, жестко и резко спросил Валентин Семенович, повысив голос. — Мне показалось, ты ставишь нас в известность о своих решениях, а разговариваешь сама с собой, поскольку наше мнение тебя мало волнует.

— Папа! — попеняла отцу дочь.

— Что «папа»? — пожал тот плечами и старательно изобразил наивный взгляд. — Нет, мне просто интересно, как ты собираешься продавать нашу квартиру, если ее половина принадлежит Алисе, про которую ты забыла? А? Ты у дочери спросила, она-то согласна на то, что ты выкидываешь ее на улицу?

— Я не забывала! — вскинулась Эмма, несколько смутившись. — Я знаю, что Алиса мне не откажет.

— Откажу, — спокойным, ровным тоном произнесла Алиса, поднимаясь из-за стола вслед за дедом, и, демонстративно игнорируя опешившую мать, поддержала предложение дедушки: — И правда, бабуль, поехали домой.

— Как это откажешь? — растерялась совершенно Эмма Валентиновна.

— Легко, — объяснила Алиса и обратилась к брату: — Никитос, поехали к нам, бабуля пирог испекла свой фирменный.

— Мам, мне не нужна квартира, зря ты все это придумала, — произнес мирно-спокойным тоном Никита, поднимаясь со стула и помогая встать из-за стола бабуле. — И Алису обидела. — И без перехода сообщил: — Ага, я с вами. Хочу бабулин пирог.

Такого отпора, такого заговора против себя Эмма не ожидала и даже представить не могла! Это как? Что значит — Алиса ей откажет? Как она может отказать, когда Эмма все уже решила и распланировала? Она переводила ошарашенный взгляд с одного на другого родственника и никак не могла поверить, что ей вот так отказали! Ей?!

Демонстрация родных была доведена до логического конца и идеально выдержана интонационно: Алиса с Никитой и дедушка с бабушкой, более ничего не говоря, не перекинувшись даже словечком между собой, собрались и ушли из дома, оставив пораженную и обескураженную до невозможности Эмму Валентиновну приходить в себя.

Но итог их единодушного порыва, решительного отпора и столь яркого сопротивления был неутешителен: бабушкину с дедом квартиру все же продали. Замешкавшиеся на пути литерного поезда «Жигули» никто не отменял — не мытьем, так катаньем, посредством переговоров, принятия некоторых компромиссов, противовесов и уступок, Эмма Валентиновна добилась-таки своего.

Все. Дело сделано.

Полученные с продажи «родового гнезда» деньги честно поделили пополам между Алисой и Никитой. Зато данный компромисс с родителями и дочерью дорого обошелся отцу Никиты, Эдуарду Всеволодовичу, и его родне: Эмма благополучно стрясла с них недостающую сумму для приобретения квартиры сыночку. Алиса подозревала, что родня та еще бы и доплатила сверху, только бы не иметь никогда больше никакого дела с бывшей родственницей. Но Эмма не стала их дожимать — мальчику еще учиться, становиться на ноги, делать карьеру, мало ли что может понадобиться — и отпустила, что называется, с миром. Пока.

А Алиса? А что Алиса. У деда с бабулей была прекрасная квартира и, кстати, тоже в центральной части Москвы, только не в той, которая понадобилась Эмме, так что выручили они прилично за «родовое гнездо». И Алиса вполне могла за те деньги, что ей причитались, приобрести неплохую квартирку на окраине и даже в новострое каком. Вот только не бывает идеальных решений.

Она, на минуточку, все-таки работала, и работа ее была совсем не простая и далеко не нормированная. И зависала Алиса Юрьевна на своей работе частенько до такого поздна, что на ту окраину только на такси и доберешься.

По-хорошему, ей бы тоже не мешало подобрать жилье поближе к институту, в котором она трудилась. Но стоило это...

Ну, без подробных объяснений ясно, сколько стоит най-ти приличную квартиру, в которую можно сразу въехать и жить в том районе, который бы прекрасно ей подошел. Но Алисе совершенно необычайным образом свезло. Чуть ли не чудо какое привалило.

Всеми вопросами продажи и покупкой новых квартир с большим энтузиазмом и азартом взялась заниматься сама Эмма Валентиновна, направляемая и консультируемая профессиональным, толковым риелтором.

И вот просматривает она варианты квартир в «Циане», как вдруг прямо у нее на глазах выставляют на продажу интересное предложение и за странно низкую цену. Отринув всякие сомнения и практически не задумываясь, Эмма Валентиновна немедленно набирает указанный в объявлении телефон и с ходу сообщает:

— Мы берем. Аванс готовы выплатить прямо сейчас.

И только пото-о-о-м, после того как договорилась о встрече, она позвонила риелтору, который ругался до небес, объясняя Эмме, по каким причинам, кто и какие квартиры выставляет ниже рыночной стоимости. Стенания риелтора она проигнорировала, распорядившись немедленно ехать на встречу с продавцом, и только тогда позвонила дочери, ну так, полюбопытствовать, подойдет ли той вообще такая квартира. Мелочью типа банального вопроса, где дочь возьмет необходимую для покупки сумму, Эмма не грузилась — это же Алиса, она справится. Ну

придумает что-то, а не справится, так откажется от сделки и вернет аванс.

Вот уж точно это не проблема Эммы.

Алиса не отказалась и аванс не вернула. Во-первых, потому что ей некогда было продолжать ездить по разным адресам и что-то там смотреть, подбирать, да и вообще заниматься всей этой суетой, которая и без того ужасно ее напрягала, отвлекая от дела. А во-вторых, ее решение определил тот немаловажный факт, что квартира располагалась совсем недалеко от проданного ими «родового гнезда», в соседнем районе. И именно в этом районе Алиса оканчивала лицей, и все ей там было знакомо, удобно, привычно и полно воспоминаний... Разных. Хороших и теплых в основном. Был и еще один повод, сподвигнувший ее сразу же согласиться на покупку, но такой... из области эмоционально-чувствительной, из тех самых теплых воспоминаний.

К тому же до института, в котором она служила науке, близко и добираться удобно — всего пара станций метро, а если на машине, то прямо по проспекту, никуда не сворачивая. Ну и сама квартира в идеальном состоянии, с прекрасным дизайнерским ремонтом. Правда, совершенно пустая, если не считать встроенного, можно сказать вмурованного в стены кухонного гарнитура и нескольких вычурных люстр.

Так что она не стала думать-сомневаться, искать еще что-то более подходящее. Да куда еще более подходящее-то? Алисе уже и так до невозможности надоела вся эта суета, затеянная мамой, вот совершенно никуда не встраивалась и ломала рабочие графики и жизнь. У нее проект, конференция, на которой она выступает с докладом, — какие, к лешему, переезды, обмены-продажи? Вдобавок ей пришлось взять отпуск, чтобы разделаться с этой засадой, и отпуск тот тоже вот никуда — ни два ни полтора: вместо

единственной, нормальной возможности раз в году отдохнуть и съездить на море летом она завязла в квартирных вопросах зимой и в начале весны, да и проводила его в основном на работе, засиживаясь допоздна.

В общем, понятно: надо брать, да еще и по сниженной цене... только вот на что брать, вопро-о-о-ос...

Помогли папа и родственники с отцовской стороны, подкинув, сколько могли насобирать, денег, небогато, но тоже подспорье. Ну и... банк с ипотекой.

Как там было в КВН? «Зато теперь мы живем в отдельной, нашей с банком, квартире». Вот как-то так.

И теперь, когда все произошло, сделка проведена и назад дороги нет, пришлось Алисе самой, без чьей-либо помощи, собирать и паковать вещи, как свои, так и бабушки с дедом.

«Охо-хо-шеньки-хо-хо...» — вздыхала она тягостно своим мыслям, окидывая тоскующим взором открывавшийся перед ней фронт, так сказать, предстоящих работ.

С ее наукообразным типом мышления, закрепившимся в сознании уже на уровне устойчивого рефлекса, Алиса систематизировала и упорядочила процесс сбора вещей, чем усложнила себе жизнь необычайно.

И, приступив к сборам, ворчала и ругала себя почем зря, упакиваясь этими сборами до незнамо чего. Нет бы позаталкивать все подряд, разбив-отсортировав лишь по основным критериям принадлежности: ее вещи и дедули с бабулей — носильные (зимние-летние), кухонные, хозяйственные... Ну где-то так! И разобралась бы уже на новом месте без спешки и торопливости, тем более время, отведенное на сборы, конкретно поджидает.

Да сейчас! Это не наш путь — мы ж ученые, етить нас в диссертацию!

У нас же въевшийся с пирожками из университетского буфета навык следования особому протоколу проведения

учета, сортировки и идентификации исследуемых образцов по четко определенной схеме и порядку.

Для каждой коробки Алисой был составлен список сложенных в нее вещей в двойном экземпляре, а сама коробка пронумерована и внесена в общий реестр под присвоенным ей номером. Один список клеился на коробку, второй экземпляр подшивался к общему каталогу.

Она решила начать сборы с вещей бабушки и деда, что было вполне логично: они уже перебрались к дочери и пытались налаживать жизнь, устраиваться, и вещи в этом непростом процессе им требовались прямо сейчас. Когда Алиса добралась до мелочей, до давно позабытого скарба, хранившегося где-то по углам и схранам до «лучших времен», «про запас» или «на всякий возможный случай», как в любом уважающем себя доме, — ей пришлось то и дело связываться с бабулей по видеосвязи, демонстрировать очередную «нужную» штуку и выяснять: брать или ну ее — отдать в правильную организацию, вывозящую всякое старье, которого она уже собрала несколько больших коробок.

Но в какой-то момент Алиса себя остановила, прекратив это видеосовещание. Во-первых, так она будет собираться до морковкиного заговения, а во-вторых, и в самых главных, бабушка нервничала, расстраивалась, вздыхая над каждой вещицей, иногда и слезу пускала. Им с дедом и так непросто дался этот переезд и расставание с отчим домом, не стоит их мучить еще и непростым процессом сортировки. Остается только радоваться, что старикам не приходится заниматься всеми этими сборами и прощанием с любимыми вещами. Они хоть и бодрые, но сердца-то у них не железные.

Вы реально представляете, каким количеством шмотья обрастает человек за свою жизнь?! Казалось бы — живу чуть ли не в аскезе, довольствуясь малым. Ага! Малым! Как